

Разговор с Борисом Комиссаровым

Страны-миры,

которые обязаны сотрудничать

Из прочитанного

Свое название Бразилия получила от дерева с красной древесиной, которое под названием «бразил» привозилось в Европу, по-видимому, откуда-то из тропической Азии еще до открытия Америки.

Это красное дерево очень высоко расценивалось и шло как на изготовление наиболее роскошной мебели и украшения дворцовых покоев, так и для извлечения красящего вещества особого оттенка, которое и по сей час в красильном производстве носит название бразилин.

Первые португальские поселенцы на восточном побережье в то время лишь недавно открытого материка Южной Америки, столкнулись с обильным в ее тропических лесах «красным» деревом, которое и стали вывозить в Европу под известным уже в торговле названием бразил.

Пау-бразил – ветвистое крупное дерево до 30 метров высоты. Его перистые листья создают густую крону, которая в октябре – ноябре бывает усыпана золотисто-желтыми цветками, собранными в густые соцветия. Крупные плоды-бобы покрыты частыми колючками.

На первых порах колонизации восточного побережья Южной Америки вывоз древесины этого дерева играл в торговле того времени большую роль.

Вскоре вся страна, где произрастало дерево пау-бразил, получила от него свое название.

Пау-бразил и сейчас еще довольно популярно в Бразилии. Близ Рио-де-Жанейро вдоль дороги на гору Тижуку имеется участок шоссе, специально обсаженный этим «историческим» деревом.

Леонид РОДИН

«Пять недель в Южной Америке».

Географгиз. Москва. 1954 г.

Доктор исторических наук, профессор Борис Николаевич Комиссаров родился 8 декабря 1939 года в Ленинграде. Его отец был преподавателем физики в вузе. Он умер в блокадные месяцы второй мировой войны. Мать – медицинский работник. В годы Великой Отечественной войны был в эвакуации. Потом закончил в Ленинграде среднюю школу (1957) и в том же году поступил на вечернее отделение Герценовского педагогического института на исторический факультет. В 1958 году перевелся в Ленинградский Университет. Закончил исторический факультет университета в 1961 году и полтора года работал младшим научным сотрудником Российского государственного исторического архива – одного из крупнейших российских архивов XIX века. И там уже занимался выявлением материалов по истории русско-латиноамериканских отношений. В 1964 году был приглашен ассистентом на кафедру новой истории (раньше она называлась Кафедрой истории нового и новейшего времени исторического факультета) и 40 лет проработал на этой кафедре, пройдя путь от аспиранта до ее заведующего, доктора исторических наук, профессора.

Именно здесь, на этой кафедре, Б.Н. Комиссаров защитил свою кандидатскую диссертацию на тему «Материалы экспедиции Лангсдорфа в Бразилию в 1821-1829 гг. как исторический источник» (1970) и докторскую на тему «Русские источники по истории Бразилии первой трети XIX века в Академии наук» (1980). И с 1988 года начался «бразильский период» Бориса Николаевича Комиссарова, который длится до сих пор.

Мой собеседник имеет около 200 научных работ, возглавляет отделение истори-географических знаний Русского

географического общества, является директором Португало-бразильского центра Санкт-Петербургского Университета, членом-корреспондентом Бразильского института истории и географии Рио-де-Жанейро.

– Борис Николаевич, вы начали заниматься изучением стран Латинской Америки со студенческой скамьи – где-то в конце 50-х годов прошлого века. Почему вас увлекла именно эта часть нашей планеты?

– Все объясняется довольно просто. Латиноамериканистика тогда только становилась на ноги в связи с вспыхнувшим интересом к революционной Кубе. Но я поставил перед собой задачу, может быть, очень амбициозную – заниматься этой темой таким образом, чтобы дать латиноамериканцам нечто новое, то, что они сами не знают о своих странах. Но тогда, в те времена, поездки в Латинскую Америку были для россиян невозможны и тесные контакты с бразильцами тоже были невозможны. А раз так, то я поставил перед собой задачу: изучать эти страны по источникам русского происхождения, работать в архивах. И я стал смотреть, кто бывал в Латинской Америке из россиян, кто путешествовал и подолгу жил в этих странах. Я начал изучать истории о русских кругосветных путешествиях. Выяснил, что чаще всего наши мореходы останавливались в Бразилии, в Рио-де-Жанейро. Потому что это была классическая остановка, наиболее частая после пересечения Атлантического океана. А затем, когда мореплаватели шли дальше, через мыс Горн, то они попадали в Чили и Перу, в Калифорнию. Я изучал книги об Испании, Чили, Перу. И от изучения тематики русского кругосветного плавания постепенно перешел к более

детальному познанию материалов об этих странах. Почему? В Рио-де-Жанейро наших моряков тогда, как правило, встречал российский генеральный консул Григорий Иванович Лангсдорф. Он встречал их, рассказывал о стране, показывал ее. Как известно, именно Лангсдорф положил начало российской консульской сети в Бразилии.

Ныне мир изменился, стал другим. Но не до неузнаваемости. Элементы прошлого сохраняются. Россия и Бразилия по-прежнему располагаются на разных экономических орбитах и, учитывая масштабы этих стран, их торговые контакты минимальны. Остается неизменным и другое обстоятельство: чем удаленнее друг от друга страны в географическом, политическом, торгово-экономическом, культурном, ментальном и других отношениях, тем существеннее роль, скажем, дипломатов и вообще лиц, ведущих переговоры на государственном уровне, для развития контактов между ними. Иными словами, чем меньше можно рассчитывать на действия объективных факторов, тем большее значение приобретают факторы субъективные, личностные, в какой-то мере замещающие первые.

И история российско-бразильских отношений очень богата особенно такими примерами.

– Борис Николаевич, вы несколько десятилетий посвятили изучению истории российско-бразильских отношений. Я прочитал на эту тему несколько ваших книг. Особенно интересны ваши публикации именно об экспедициях по Бразилии первого генерального консула России в Рио-де-Жанейро члена Петербургской Академии наук Григория Ивановича Лангсдорфа (1822-1829) и деятельности первого российского посланника в Бразилии Франца Францевича

Борея. Кстати, советую тем, кто их еще не читал, обязательно найти и проштудировать. Как развивались экономические связи России и Бразилии в XIX веке и какие исторические прецеденты были созданы в те далекие времена?

– Из более чем двух сотен существующих ныне стран есть считанные единицы, особые, которые называют странами-мирами. Такое определение связано не только с масштабностью их территории, не только с численностью населения, наконец, не только и не столько с хронологической протяженностью существования, но едва ли не в большей степени с их историческими судьбами. Это те исторические судьбы, которые объединили в определенных временных и пространственных рамках разные, подчас многочисленные этнические образования, превратившиеся в итоге в национальные общности, которые оказали и продолжают оказывать своеобразное и кардинальное влияние на цивилизацию землян в целом. К таким странам-мирам можно, к примеру, отнести США, Китай, Индию. К ним, безусловно, принадлежат Россия и Бразилия.

Наши страны разделяет не одно лишь колоссальное расстояние, это два очень несхожих анклава, две страны, веками принадлежавшие к разным международным системам, двигавшиеся по разным, не пересекавшимся орбитам. Англо-португальский политический и экономический альянс, ставший с 40-х годов XVII века, пожалуй, одним из самых устойчивых факторов международных отношений, втянул Бразилию в сферу господства Лондона, почти за два века до обретения ею независимости. В имперский период бразильской истории (1822 – 1889) английское влияние в Рио-де-Жанейро оставалось определяющим, но с

провозглашением республики оно стало постепенно вытесняться североамериканским капиталом. Все это, разумеется, препятствовало российско-бразильским экономическим связям, впрочем, не в большей мере, чем социальный статус их субъектов, определявшийся, с одной стороны, крепостничеством, а затем его пережитками, а с другой, – многовековым рабством.

Итак, в 1813 году первым генеральным консулом в Рио-де-Жанейро стал Григорий Иванович Лангсдорф. Он остался в этой стране на долгие годы. Организовывал русскую экспедицию в центральные районы Бразилии, которую субсидировало Министерство иностранных дел России. Но выполняла задачи эта экспедиция, которые ставила Петербургская Академия наук. Вот от этого я перешел, собственно, к изучению материалов Лангсдорфа, а это – целый громадный блок материалов с драматической историей: материалы, архив Лангсдорфа 100 лет считались утраченными. Лангсдорф путешествовал по Бразилии, а в Амазонии заболел тропической лихорадкой и потерял память (в 1828 году). И он уже никогда не смог вернуться к научной работе. Уехал в Германию и прожил там еще 26 лет «растительной жизнью», ничем более не занимаясь, и тихо скончался. Архив его был доставлен из Бразилии в Европу, в Петербург и... потерян. Это случилось в конце 30-х годов XIX века, а обнаружили его лишь в 1930 году случайно, в Петербургском (Ленинградском) ботаническом музее на Аптекарьском острове. И обнаружил его ученый-архивист Лев Борисович Мовзалевский. Затем материалами архива Лангсдорфа долгое время занималась этнограф Наима Григорьевна Шпринц. А перед своей смертью в 1963 году она передала весь этот и свой архив мне. И я продолжал долго и упорно работать с материалами

Лангсдорфа, написав с их помощью не одну книгу об этом удивительном человеке и его исследованиях Бразилии.

Независимая Бразильская империя была признана в Санкт-Петербурге в 1828 году. А в 1829-м первым российским посланником в независимой Бразилии был назначен Франц Борель, блестящий знаток экономики, финансов, торговли и политической жизни португалоязычного мира, автор проекта русско-бразильского договора о дружбе, торговле и мореплавании. С 1833 по 1842 год генеральным консульством России в бразильской столице руководил Юлиус Александрович Валленштейн, приславший в Санкт-Петербург свыше 3,5 тысяч листов чрезвычайно информативных донесений. А в 1836 – 1848 годах российскую дипломатическую миссию в Рио-де-Жанейро возглавлял однокашник А.С.Пушкина Сергей Григорьевич Ломоносов, содействовавший тому, чтобы российская торговля в Бразилии была приравнена к бразильской как в отношении карабельных сборов, так и импортных и экспортных пошлин. Он также известен тем, что давал уроки русского языка бразильскому императору Педро II. В 1884 – 1889 годы крупный вклад в развитие русско-бразильских отношений внес посланник Александр Семенович Ионин, автор четырехтомной книги очерков «По Южной Америке».

В 1891 – 1893 годы министр финансов России, крупный ученый-машиновед Иван Александрович Вышнеградский доказал необходимость добиваться для русского экспорта в Бразилию «права наиболее благоприятствуемой нации». А в 1901 году его преемник Сергей Юльевич Витте и министр иностранных дел Владимир Николаевич Ламздорф вели переговоры о заключении торгового договора с Бразилией, который, к сожалению, так и не стал реальностью. Последняя попытка царской дипломатии добиться

оживления российско-бразильских экономических отношений была предпринята в 1910 – 1912 годах. И была она связана с деятельностью посланника в Бразилии, Аргентине и Уругвае Петра Васильевича Максимова. «...Нет слов, как было бы желательно, чтобы наши торговые люди могли бы дать себе отчет в интересах, представляемых для них Южной Америкой и чтобы они отнеслись к своей же собственной пользе... с должной смелостью и энергией», - писал он, буквально повторяя мысли Бореля.

В феврале 1911 года Совет Министров рассмотрел и одобрил специальное донесение Максимова от 2 ноября 1910 года, в котором подчеркивалось политическое значение сближения России с южноамериканскими государствами и предлагались нужные для этого меры: установление прямых торговых связей, организация пароходного сообщения между российскими и южноамериканскими портами, посылка в Южную Америку специалистов в области торговли и промышленности, учреждение консульств...

Все эти усилия не пропали даром. Бразилия из неведомого, экзотического владения португальской короны превратилась в первого и в течение большей части XIX века единственного партнера России на южноамериканском субконтиненте. Позитивные исторические прецеденты, которых в изобилии на страницах архивных рукописей, должны служить развитию российско-бразильских отношений сегодня.

– Чем, по-вашему, в наши дни интересны взаимоотношения двух гигантов – России и Бразилии?

– Россия и Бразилия занимают совершенно уникальное геополитическое место в мире. На территории именно наших стран

размещаются так называемые «легкие планеты» – в Сибири и Амазонии. Сохранение эти двух гигантских «фабрик кислорода» сейчас стало первейшей проблемой, поскольку от этого зависит климат всей Земли, ее экологическое благополучие.

С другой стороны, контакты России и Бразилии – это будущее мира. Дело в том, что в течение всей своей истории эти страны входили в разные международные системы. Они двигались по орбитам, которые практически не пересекались. И поэтому трудно было тем людям, которые как-то пытались соединить эти две страны. Хотя и Россия в начале XIX века была привязана к Англии, и Бразилия, как я уже отмечал, тоже была привязана к Англии, но Англия делала все от нее зависящее, чтобы Россия с Бразилией не смыкались, всячески противодействовала их прямым контактам. Португалии была уже ослаблена, ей было не до Бразилии, которая вскоре получила независимость (1822). Но роль Англии в бразильских делах тогда, как я уже говорил, еще более возросла, пока эстафета влияния на Бразилию не перешла набравшим силу и мощь Соединенным Штатам.

Находясь в Бразилии, а я там пробыл в общей сложности 36 месяцев, я внимательно изучал бразильские архивы. И теперь у меня есть тщательно подобранные материалы для продолжения работы над темой истории российско-бразильских отношений. Теперь задача состоит в том, чтобы соединить эти материалы с архивом внешней политики Российской империи. Используя этот блок, хочу довести исследование до конца: ведь до сих пор еще никто этим не занимался! Количество материалов растет как снежный ком. Тема российско-бразильских связей – просто непаханое поле. И поднять эту целину очень важно, поскольку речь идет о двух огромных странах, о двух мирах.

– Что же ожидает в будущем российско-бразильские отношения?

– Наши связи, как мне кажется, имеют большое будущее. Через 30 – 40 лет, а может быть и раньше, мы вступим в эпоху на 80 процентов техногенную. Это будет не природный, а в большинстве своем рукотворный мир. Но вот как раз две страны – Россия и Бразилия больше других сохраняют свою специфику. С помощью наших стран и на наших территориях будет сохранен прежний природный мир. И наши две страны могут стать хранительницами этого первозданного мира. Ответственность очень велика – сохранить для человеческой цивилизации наши «фабрики кислорода». Хотя сегодня все еще быстрыми темпами идет истребление как тайги в Сибири, так и сельвы в Амазонии, существует прогноз, что на определенном этапе это варварство будет остановлено. Трагично, но как утверждают специалисты, 12 процентов тропических лесов Амазонии уже не существует. Нашу тайгу тоже продолжают рубить, – только щепки летят. И перед двумя гигантами – Россией и Бразилией стоит общая, глобальная по ответственности перед землянами задача – объединить усилия для сохранения хрупкой экологии Земли, а это значит, что речь пойдет о жизни и смерти землян. И совместно в этом контексте мы просто обязаны сделать очень и очень многое.

В Бразилии все еще плохо знают Россию. Мы для бразильцев находимся настолько пространственно и по жизни далеко, контакты столь слабы и нерегулярны! У нас хотя и самый крупный товарооборот именно с Бразилией из всех стран Латинской Америки (в 2004 году около 2 миллиардов долларов), но по сравнению с

колоссальными возможностями, это просто мелочь! Я уверен, что связи между нашими странами будут развиваться. Поэтому хочу весь этот громадный позитивный фундамент прошлого сделать как можно более видимым, реальным, осязаемым. Чтобы на этом мощном основании можно было строить наше общее будущее.

Из прочитанного

В отношении бразильца к карнавалу есть что-то от фетишизма. На заре XX столетия, в 1901 году, известный бразильский поэт Олаву Билак говорил: «Те, кто влюблен в карнавал, – это совершенно особые люди, некая раса, отличная от всех остальных. Они рождаются для карнавала, живут ради него, исчисляют свой возраст по количеству карнавалов, в которых участвовали, и в час смерти грустят лишь об одном – о том, что после ухода из жизни не смогут увидеть бесчисленные карнавалы последующих столетий». С тех пор практически не изменилось. Уже за несколько недель до начала карнавала повсюду чувствуется его приближение. Работа, учеба и даже личная жизнь отодвигаются на задний план. Люди самозабвенно готовятся к празднику, чтобы потом, когда он закончится, снова целый год жить его ожиданием. А значит, он никогда не кончается.

Живучесть карнавальных традиций, особенно в Рио-де-Жанейро, не может не впечатлять. «Кризисы, нищета, революции, эпидемии могут выводить из равновесия героический город Сан-Себастьян-ду-Рио-де-Жанейро, - пишет автор книги «История кариокского карнавала» Энеида, - но ничего не способно уничтожить карнавальные праздники. Столь велика любовь жителей Рио к своему карнавалу».

Карнавал возник задолго до того, как каравеллы Педру Алвариша Кабрала достигли в 1500 году побережья Бразилии. Это очевидно. Однако ученые продолжают спорить относительно даты его рождения, так же, впрочем, как и о происхождении самого слова... История бразильского карнавала начинается одновременно с конкистой. Португальцы старались организовать свою жизнь в Новом Свете таким образом, чтобы она как можно больше напоминала привычную им, европейскую. На завоеванные земли наряду с предметами домашнего обихода «ввозились» и ценности

иного порядка – духовного. В составе именно такого «багажа» в Бразилию прибыл португальский карнавал.

Первых путешественников, посетивших Землю Святого Креста, местный карнавал шокировал своей грубостью и даже жестокостью, которые они, не раздумывая, приписали дикости населения колонии. Парадокс же заключался в том, что долгие годы карнавал в ней был точным слепком с оригинала – карнавала метрополии. В Португалии он никогда не был таким праздником искусства, как в других европейских странах, например в Италии эпохи Возрождения. Он и название имел свое собственное – «энтраду» (от латинского *introitus* – начало; имелось в виду начало Великого поста). Именно португальский энтраду, причем в том виде, в каком он был импортирован, сразу же получил распространение практически по всей территории Бразилии.

Наталья КОНСТАНТИНОВА,

«Страна карнавала»

Наука, г. Москва, 2003 г.